

НИС TUTA PERENNAT

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

№ 18 (3349)

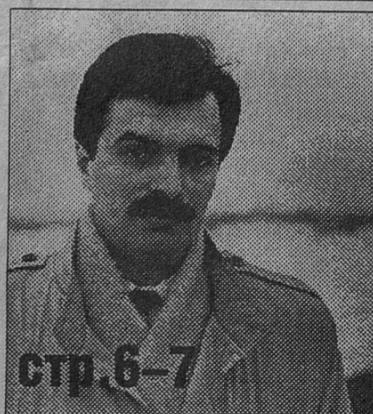
Декабрь, 7, 1993

Цена свободная

Йонас Энгберг
(Стокгольмский университет)
Doctor Honoris Causa
Петербургского университета

стр.2

стр.6-7

Мы исходим из того, что да, действительно, есть некоторое поле, скажем, круг, и основная часть в нем – это объективные процессы; но есть и сектор ответственности власти. И от нас зависит, каким процессам в обществе содействовать, а каким, по мере возможности, пытаться препятствовать.

Интервью с Юрием Болдыревым

стр.11

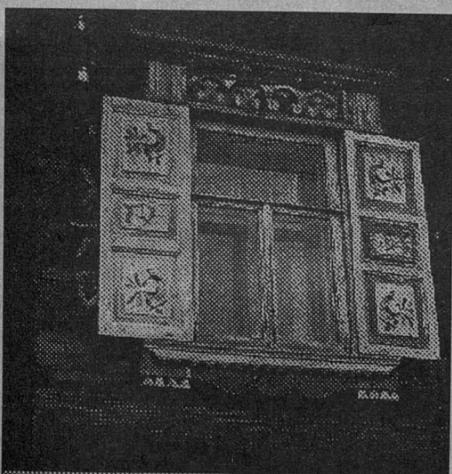
**О Дева! Иду за Тобой.
И страшно ль идти за Тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое.**

Александр Блок и Прекрасная Дама

Демократическая пресса у нас и за рубежом. Интервью с главным редактором "Санкт-Петербургских ведомостей" Олегом Кузиным и главным редактором "Svenska Dagbladet" Зигфридом Леенхофвудом

стр.9

Этнографические зарисовки: Путешествие в Кенозерье

стр.10

"Я хотела бы жить на природе, быть покорной – так хочется быть кроткой... Так хочется, чтобы рядом был сильный, добрый и честный мужчина, который бы умел говорить красивую правду..."

Интервью с певицей Ларисой Поляковой

стр.12

Каждый имеет право и привилегию совершать ошибки

Речь, произнесенная по-русски, на торжественной церемонии присвоения звания почетного доктора (Doctor Honoris Causa) Санкт-Петербургского университета

Знак отличия, которым ваш университет решил наградить меня, делает этот день одним из выдающихся в моей жизни. Я понимаю, что вы хотите отметить каким-либо образом мою работу для Вашего университета в течение последних нескольких лет.

Когда я посетил Ленинград в мае 1990 года, все выглядело совсем по-другому. То же можно сказать и о взаимоотношениях между нашими университетами. В основном сотрудничество базировалось на обмене учеными и стажерами, которое началось еще в 1968 году. Откровенно говоря, в то время сотрудничество с Ленинградским университетом не было одним из основных приоритетов нашего университета. И, еще более откровенно говоря, традиционный взгляд Стокгольма на Ленинградский университет был как на классическое советское учреждение, настолько жестко управляемым из Москвы указами, что даже иностранные учреждения, которые с ним сотрудничали, могли рассчитывать на организацию исследовательской деятельности на 5-летний период, предписываемый Советским Правительством. Это, конечно, не облегчало задачи нашей центральной администрации по объяснению сотрудникам факультетов Стокгольмского университета, почему они должны быть заинтересованы в сотрудничестве с вашим университетом согласно подписанным нашими руководителями договорам. Кроме того, когда в эпоху гласности и перестройки интерес к сотрудничеству с советскими коллегами у наших факультетов начал расти, обмен и другие контакты все-таки сдерживались, как мы поняли, плохим управлением и организацией администрации Ленинградского университета.

Наша встреча со Станиславом Меркурьевым и Юрием Молчановым открыла мне глаза и заставила меня понять, что те люди, с которыми мы имели дело в вашем университете, старательны и трудолюбивы, стараются делать все от них зависящее в исключительно сложной обстановке. Поэтому, когда Станислав Петрович внес предложение, во время этой встречи, включить в сферу сотрудничества университетское управление, я решил согласиться.

Летом 1990 года я обдумал эту идею и предложил осенью того же года начать совместный проект административного развития при поддержке Шведского Правительства. Так все началось, и это явилось также началом нового этапа моей жизни и моего собственного развития, изменившим мои взгляды на жизнь и мир, и, в известной мере, превратившим меня в нового человека.

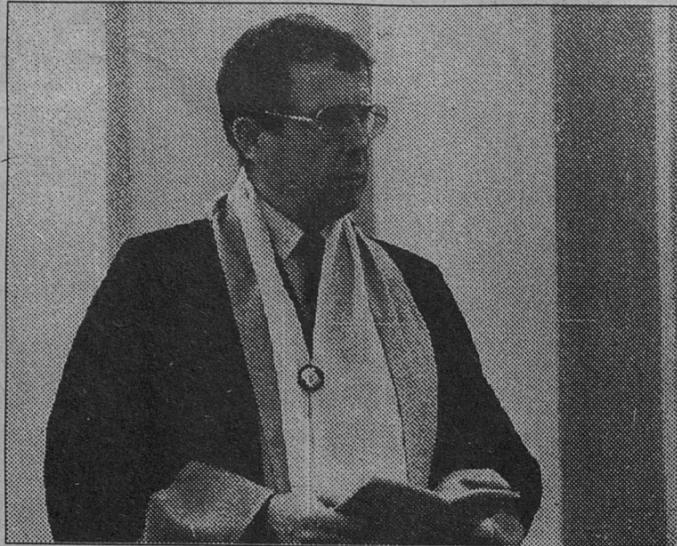
Большинство из вас знает продолжение истории, и я не буду ее повторять. Сегодня мир выглядит абсолютно другим. Кроме регулярных академических обменов, запущены в работу четыре схемы организационного развития в рамках сотрудничества между нашими университетами, направленные на реформу организационной и управленческой системы СПбУ, на создание специального Центра Обучения Общественному Управлению, на учреждение Академии Страхования и Аудита и на создание Шведско-Русской Ассоциации Поддержки Обучения Бизнесу в Санкт-Петербурге. Во время как первые два проекта получили поддержку наших Правительств в Стокгольме и Москве, мы также заполнили совместные заявления для получения поддержки программы Темпус/Такис для Центра Обучения Общественному Управлению и Академии Страхования и Аудита, и получили поддержку шведских компа-

ний, работающих в Санкт-Петербурге для последнего проекта. Кроме того, сегодня мы точно знаем, что в Стокгольмском университете эти схемы организационных изменений оказывают сильное влияние на все наши контакты с вашим университетом, так как мы знакомим факультеты с развитием наших проектов. И это, в свою очередь, заставляет их принимать более активное участие в нашем академическом сотрудничестве. Еще три года назад никто и не помышлял, что подобное возможно.

Первый проект первоначально был нацелен на реформу центральной администрации вашего университета. Основная идея была предоставить вашему университету возможность получить профессиональную экспертизу соответствующих шведских организаций и практический опыт, который они собрали по осуществлению реформы административной работы и рационализации трудоемких административных механизмов в большой университетской организации. Роль администрации Стокгольмского университета заключалась в предоставлении возможности — не в качестве модели для копирования — для создания новой, более ориентированной на рынок административной организации центрального уровня вашего университета. Стокгольмский университет насчитывает в общей сложности 7000 сотрудников и около 27000 студентов ежегодно, управляется минимальной центральной администрацией. Это означает, что для того, чтобы было возможно для университета поддерживать общие служебные функции на возможно высоком стандарте, человеческие ресурсы, предоставленные 230 сотрудниками администрации, должны будут использоваться очень эффективным способом. Для решения этой проблемы университетская администрация приняла при реорганизации в 1986 году форму горизонтальной структуры административных групп равного уровня под руководством Главы администрации. Это дало возможность делегировать ответственность и исполнительную власть более или менее прямо людям, исполняющим предписанную им работу.

Таким образом, концепции централизации и децентрализации могут динамично комбинироваться. Пока работа центральной администрации направляется в основном на сильную децентрализацию принимающей решения власти, несмотря на некоторую модификацию данной структуры для новых нужд и запросов. Сегодня это также переносится на факультетский уровень для того, чтобы с последней реформой шведской системы высшего образования они (факультеты) получили существенно больше власти и свободы по отношению к центральной администрации. Вместе с тем, с появлением такого большого количества свободы и власти факультеты должны принять на себя и высшую степень ответственности. С этого момента все подразделения нашего университета, включая центральную администрацию, вынуждены будут считать, как они используют свои ресурсы. Другими словами, они должны принять идею быть подчиненными по результатам их реальной работы. Лично я приветствую такое развитие. По моему, передача власти должна всегда приводить к ответственности и отчетности за то, как ты используешь эту власть.

Важным отправным пунктом дискуссий с русскими коллегами было то, что ваш Университет предоставляет огромный фонд знаний и человеческого капитала. Если есть возможность изменить уста-

новленные административные порядки, появится возможность использовать эти ресурсы в более эффективных и координированных формах, что конечно положительно отразилось бы на изменении университета в целом. Это также облегчило бы университету сотрудничество в международном и национальном плане, сделав его более подвижным и динамичным.

Другим жизненно важным пунктом было предположение, что в конце концов не так-то легко будет гуманным и спокойным образом внедрить механизмы свободной рыночной экономики в постсоветскую Россию без одновременной реформы общественного сектора. Конкретные позитивные результаты реформы в общественном секторе могли бы стать инструментом создания психологического климата, необходимого для стимулирования людей работать по улучшению уровня их собственного предоставления. Иначе говоря, в случае успеха проект мог бы стать источником вдохновения для реконструкции других сфер Российской общественной администрации. Именно с этой перспективой я предположил, что наши университеты должны попытаться создать институт обучения общественному администрированию. Насколько вы все знаете, эта мечта в настоящий момент материализовалась и приняла конкретные формы. И ваш университет станет первой академической организацией в России, которая приняла на себя чрезвычайно важную миссию подготовки нового поколения руководителей, которые будут отвечать за общественную администрацию пост-советской России.

Из опыта Стокгольмского университета, децентрализация принимающей решения власти и передача вытекающей отсюда ответственности за использование этой власти на очень конкретные исполнительные уровни организации доказали, что являются высокоэффективными инструментами в общем развитии. Вне всякого сомнения, эта система, включающая в себя горизонталь, существенно повышает производительность центральной администрации университета.

Очень скоро мы пришли к выводу, что также механизмы Санкт-Петербургского университета будут готовы к взаимодействию централизации и децентрализации, поддерживая друг друга. Основным принципом может стать децентрализация принимающей решения власти в вашей центральной администрации и сделать персональную ответственность и индивидуальное и коллективное представительство ключевым фактором управления. Также, на следующей ступени, для того, чтобы отделы и факультеты совместными усилиями с центральной администрацией шли к общим целям, необходимо развить инструменты для использования этих двух концепций работы вместе во всем университете, не отделяя их друг от друга.

Сейчас, с включением факультетского уровня двух университетов, мы завершили эту новую фазу, которая чрезвычайно расширила рамки этого предприятия. Отправной точкой второй ступени проекта был совместный симпозиум СУ-СПБУ на тему "Управление децентрализованной университетской организацией", который состоялся в Стокгольме в марте этого года.

Одним из ключевых факторов, выразивших сущность такой корпоративной системы, как Стокгольмский университет, является идея более активного привлечения работающих в организации лю-

ется. В этом случае необходимы некоторые исправительные действия. При нормальных обстоятельствах результатом будет напоминание или предупреждение. В случае повторения ошибки или серьезного затруднения результатом может быть перевод в другое подразделение или на другую должность в той же организации или, в худшем случае, увольнение.

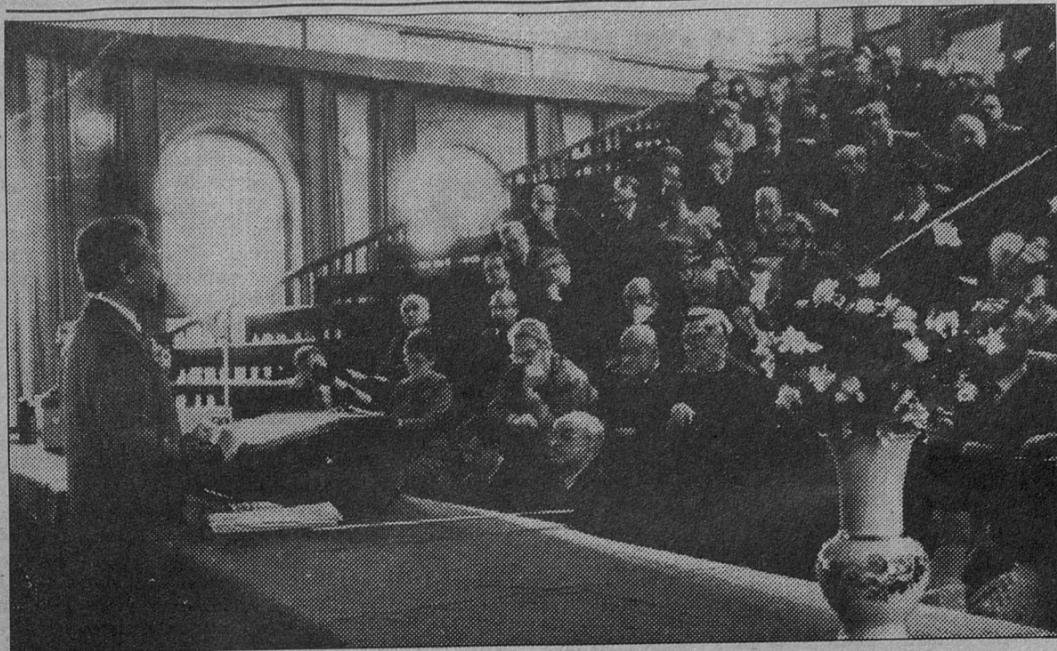
Подходя к завершению моей речи, хотел бы сделать несколько весьма личных комментариев. Некоторые из вас, может быть, удивлены, почему я решил заняться делами вашего университета. Простого ответа на этот вопрос нет потому, что я человек, а люди, слава богу, не поступают и не действуют всегда рационально. Я думаю, что справедливо будет заметить, что я — не идеалист. По моему, идеалисты — самые опасные люди за всю историю человечества. С другой стороны, я думаю, что также будет справедливо сказать, что я — почти мечтатель. Это значит, что я несу в себе мечты о лучшем мире для моей семьи, для моей работы, и для человечества в целом. И, возвращаясь к Вашему университету, я надеюсь, что наш университет будет способствовать миру и стабильности в наших добрососедских отношениях с братской организацией в плане создания и переоценки ценностей и концепций, которые произойдут в идеологическом, политическом и конституционном аспектах пост-советской России.

В то же время я имею репутацию конкретного человека. Я изучал академические дисциплины и занимался научной работой во многих областях, в том числе, может быть, не слишком актуальных и чисто теоретических. Однако, мой подход к процессу обучения и к научным исследованиям всегда был скорее практическим, чем теоретическим. Это значит, что я обладаю предрасположенностью к преобразованию знаний, приобретаемых мной в процессе занятий и наблюдений, в понятие практической деятельности. Другими словами, я стремлюсь к тому, чтобы работа, которую я выполняю, мысли и идеи, которые у меня возникают, вели к конкретным результатам. На мой взгляд, быть мечтателем и в то же время человеком "от мира сего" (практичным, конкретным) — это не противоречащие друг другу и не взаимоисключающие понятия. Напротив, я бы сказал, что они предполагают друг друга.

В заключение, возвращаясь к той работе, которую мы вместе делаем, я хочу подчеркнуть еще раз, что мы не хотим предлагать вам готовых решений ваших проблем. Это было бы самонадеянно и высокомерно, и это не является нашей идеей интеллектуального обмена и сотрудничества. Кроме того, слепая имитация и прямое копирование являются худшими врагами любого интеллектуального процесса. Это означает, что вы должны будете найти свои собственные решения ваших проблем и ответы на свои вопросы. Что мы можем сделать в качестве вашего партнера в этом интеллектуальном процессе — это показывать вам, как наша система организована, как она работает и как мы пытаемся решать наши проблемы.

Лично я надеюсь, что ваш университет достигнет успеха в создании своей собственной организации и управленческой философии, базирующейся на принципах децентрализации принимающей решения власти. Такая власть без ответственности весьма близка к тирании, свобода без ответственности часто заканчивается хаосом. Я надеюсь, вы сможете найти приемлемое равновесие между этими двумя понятиями и создать механизмы, необходимые для передачи ответственности, которые нужны при децентрализации власти. Если вы достигнете успеха в этом направлении, власть всей вашей организации чрезвычайно возрастет. Но не только это. Так как университет — это точная копия общества в целом, в микроуровне, вы также сможете создать подлинные условия демократии в практической работе.

На протяжении последних трех лет к нашему сотрудничеству добавилась новая область — область, открывающая новые захватывающие перспективы для наших университетов как партнеров по обустройству будущего Балтийского региона. Я убежден, что если ваш университет продолжит работу в духе реформ, начатых нами совместно, это получит полную поддержку не только от нашего университета, но и от всего международного академического сотрудничества. В этом случае, я абсолютно уверен, что С-Петербургский университет сможет играть лидирующую роль в создании будущего новой России.

Юбилейная конференция

В здании Менделеевского центра Санкт-Петербургского университета с 16 по 18 ноября 1993 года проходила научно-практическая конференция "Химические научные школы России", посвященная 125-летию РХО имени Д.И.Менделеева. Конференцию открыл президент РХО академик Ю.А.Золотов. В своем вступительном слове он подчеркнул особую значимость Российской

химической науки. Был зачитан доклад профессора И.С.Дмитриева "Создание Химического общества и становление первых химических школ России". В тот же день, 16 ноября, состоялось открытие мемориальной доски А.И.Фаворскому на здании Менделеевского центра.

В дни работы конференции состоялись доклады В.И.Гольданского "Возникновение и развитие химической физики", В.А.Каба-

нова "Наука о полимерах: прошлое и настоящее", А.И.Русанова "Петербургская термодинамическая школа", М.И.Шульца "Наука о стекле в России" и другие.

18 ноября, в день закрытия конференции, состоялось посещение Музея-архива Д.И.Менделеева в Санкт-Петербургском университете.

Фото Сергея ГРАЧЕВА

Каникулы бегом

7 дней, 37 команд, 5 конкурсов, 117 участников — школьников 15-16 лет. Это все — 3-я Международная тест-рейтинговая олимпиада "Интеллектуальный марафон-93", которая проходила в начале ноября на базе Академической гимназии СПбУ. В организации олимпиады вместе с Академической гимназией принимал участие московский интеллект-клуб "Глюон". Гостей и участников приветствовали В.Д.Шевцов, проректор по ПУНКу, и О.Е.Лебедев, председатель Комитета по образованию мэрии Санкт-Петербурга.

Существенное отличие "Интеллектуального марафона-93" от прочих олимпиад — то, что здесь, кроме командных очков, учитывался и индивидуальный рейтинг каждого участника. 2 командных конкурса (физика и математика) плюс 3 индивидуальных (английский язык, физика и математика) — и в каждом из них очки собирались в общую копилку команды. Индивидуальный рейтинг определялся по сумме занятых мест в конкурсах. Так что ребятам из Венгрии и Украины, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ и Уфы, Москвы, Челябинска и других городов и стран пришлось очень жарко. Но весьма сложные подсчеты, которые обычно отнимают бездну времени и нервов, на сей раз были облегчены. Специальная программа, которую подготовили преподаватели академической гимназии, позволила все очки каждого участника заносить в компьютерный банк данных. И компьютер выдавал итоги

очень быстро. Как видите, на уровне международных норм было организовано обслуживание на олимпиаде.

Но марафон есть марафон, все бегом... Поэтому были сложности чисто психологического порядка. После каждого конкурса жюри принимало апелляции школьников. Ребята аргументированно доказывали свою правоту. К примеру, после индивидуального конкурса по математике подошел мальчик. Его листок с решением жюри оценило "нулем": ни одной до конца решенной задачи там не было. Но мальчик... перевернул листок — и, к общему изумлению, там оказалось оригинальное доказательство сложной задачи! Напряженная ситуация, всякое бывает...

Были и слезы: самый юный, 13-летний участник олимпиады одну задачку по физике решил, а с другой не справился... Были и шутки, смех, радость торжества, горечь поражения, восторг победы.

Ведь наконец-то пришло время раздавать и получать призы. В индивидуальном зачете по физике победил И.Баргатин из физико-математического лицея (Челябинск), по математике — С.Грушецкий из школы № 57 (Москва), по английскому языку — А.Галь из подмосковского Люблино. В командном зачете по физике победила наша Академическая гимназия, а по математике — московская школа N 57 (та же команда выиграла и в общем зачете). А победителем в общем индивидуальном зачете стал Самуил Грушецкий из этой школы. Он получил очень ценный приз — импортный магнитофон.

Кроме главных призов, было много и специальных: от журнала "Квант" за самое оригинальное решение, самому юному участнику, самому лубшему физики и др. А фирма "ЯМР-Интерлаб Инк." выделила на призы аж целых 300 долларов. Еще бы, ведь эта фирма, в которой работают много выпускников физфака, занимается разработкой и внедрением исследовательских приборов и другой техники, в производстве которой используются наукоемкие технологии. Фирма сотрудничает со всеми ведущими физическими научными институтами России и зарубежных стран, доказывая, что за границу могут не только российские мозги "утекать", но и реализованная технология, которая соответствует мировому уровню. Поэтому фирма и заботится о нынешних школьниках — завтрашних физиках и математиках. А генеральный директор фирмы "ЯМР-Интерлаб Инк." А.С.Зубков присудил свой личный приз — авторучку "Паркер" — лучшему физико-олимпиады.

Мы проанализируем опыт олимпиады "Интеллектуальный марафон-93", которая прошла на базе Академической гимназии, — сказал Олег Ермолаевич Лебедев, председатель Комитета по образованию мэрии Санкт-Петербурга. — И может быть, внесем изменения в и нашу программу развития олимпиадного движения в городе.

Е.Г.

К чему извозчик, раз есть география!

География всегда была "лидером" среди предметов, преподаваемых в военных и гражданских учебных заведениях нашего города; это — трехсотлетняя традиция высшей школы Петербурга.

Уже в первой общеобразовательной школе, основанной в 1721 году в Петербурге Феофаном Прокоповичем, география активно читалась. Школа эта, как ее называли тогда, "Академия", располагалась на подворье у речки Карповки.

В 1726 году в Петербурге открылась Академическая гимназия. По проекту Петра ей принадлежало "распространить науки в народе". Ее вклад в подготовку отечественной интеллигенции, а особенно географической, неопределим — именно там начали целенаправленно готовить учителей географии... Среди преподавателей этой гимназии были профессор физики Г.В.Крафт (1701-1754), знаменитый исследователь Камчатки, автор руководства для гимназий по математической географии и геометрии С.П.Крашенинников (1711-1755), а с 1758 года — сам М.В.Ломоносов. Незаурядные учителя сумели привить вкус к науке географии многим своим ученикам.

Из стен Академической гимназии вышли прославившиеся впоследствии русские натуралисты и путешественники. Среди открывателей и исследователей новых земель были академики И.И.Лепехин, В.Ф.Зуев, Н.Я.Озерецковский и другие.

Кафедра географии была создана и в Учительской семинарии, открытие которой состоялось в Петербурге в 1784 году. В 1804 году она стала называться Педагогическим институтом. В нем, среди прочих предметов, читались география физическая, сравнительная, всеобщая и российская статистика.

Из его стен выходили преимущественно преподаватели средних учебных заведений и чиновная интеллигенция; они оказались подлинными носителями культуры.

Он же, в 1819 году, положил начало Петербургскому университету.

К началу XX века в России произошли серьезные изменения в общественно-политической жизни; бурный экономический рост страны требовал решения множества новых задач. Так, стало насущной необходимостью исследование малоизученных районов, особенно окраин страны, с их богатыми ресурсами, наземными и ископаемыми. Однако остро ощущалась нехватка профессионально подготовленных исследователей; необходимо было расширить сеть учебных заведений, особенно тех из них, которые готовили географов-полевиков.

А между тем, география в России оставалась на положении извозчика, которым управляет известный барин; задачи она решала сугубо утилитарные. И вопрос о ее самостоятельности решался долго и мучительно. В то же самое время география завоевывает особенное место в умах как простого народа, так и "грамотеев".

Еще с конца XIX века инициативная группа общественных деятелей и ученых — географов, картологов и климатологов — стала добиваться признания географии, которая до этого носила прикладной характер, самостоятельной наукой. Для этого необходимо было вырастить кадры, способные решать проблемы на уровне века. Создание желанного института пришлось отложить на два десятилетия — правительство оставалось безучастным к просьбам ученых, да и организационные проблемы было решить непросто. Но "ступени" к этому были возвышены инициативной группой передовых ученых Петербурга — Ю.М.Шокальским, П.И.Броуновым, А.И.Воейковым, Я.С.Эдельштейном, Э.Ю.Петри и многими другими.

Первой из этих "ступеней" был "Географический кружок" естественников петербургского университета. Это было серьезное научное общество, вдохновителем и организатором которого являлся Ф.К.Волков. Имена деятелей Кружка, впоследствии знаменитых ученых, еще на слуху у наших современников: Л.С.Багров, Н.А.Буш, В.В.Головин, В.А.Дубянский, Г.И.Иванов, Л.Л.Капица, Д.Д.Руднев, В.И.Руднев, Б.И.Срезневский, Г.Г.Шенберг, В.М.Шенкевич, Я.С.Эдельштейн, С.И.Руденко.

Следующей ступенью была организация 29 апреля 1910 года "Географического бюро", еще не учебного заведения, но являвшегося его предтечей. Оно существовало исключительно на общественных началах и объединяло лиц, интересующихся географией. Его основные задачи: удовлетворение общества всевозможными справками географического характера, организация лекций и курсов для подготовки к педагогической и экспедиционной деятельности, популяризация географических знаний и подготовка планомерных экскурсий для ознакомления с различными областями Земли.

Еще одним этапом на пути к цели оказались "Высшие географические курсы". Это было уже учебное заведение, которое открылось в Петрограде 17 (30) ноября 1916 года. Первым их ректором стал А.И.Воейков, а после его кончины 27 января (9 февраля) 1916 года — И.П.Толмачев.

План преподавания был рассчитан на четыре года. На первом курсе — общее естественноисторическое образование, на втором и третьем — преподавание основного цикла географических дисциплин, а четвертый курс являлся специальным: учащиеся выбирали цикл наук по какой-либо отрасли географических знаний. Особенное внимание уделялось практической подготовке, в частности, изучению природных богатств России. Предварительная полевая практика в пригородах Петрограда была обязательна.

Строитель и насыщенность учебных программ до сих пор вызывает завидное удивление. Профессиональный уровень преподавательского состава был исключительно высокий.

(Окончание на 11 стр.)

Нас было четыренадцать

Полвека назад, в январе сорок четвертого, немецко-фашистские войска потеряли полный крах на Ленинградской земле.

Было покончено с блокадным трагизмом, который унес около миллиона человеческих жизней.

Мне трудно ворошить прошлое, потому что вспоминая его, невольно соприкасаешься с телесными и душевными ранами, которые хотя и затянулись со временем, но оставили незаживающие рубцы, и они начинают остро беспокоить, когда их задеваешь в своей памяти.

Войну я встретил с рассветом на сигнальном мостике линкора и все девятьсот дней участвовал в боевых действиях на кораблях флота и в сухопутных частях Ленинградского фронта.

Балтийских моряков бросали на самые опасные участки фронта — на полюсы мужества. В тяжкие дни сентября сорок первого, в составе седьмой отдельной бригады морской пехоты, мне пришлось сдерживать бешеный натиск фашистов на Колпинском направлении: река Ижора — Московская Славянка. В ходе ожесточенных боев бригада потеряла до семидесяти процентов своего состава, но рубежи отстояла. Понеся тяжелые потери в живой силе и технике, бригада моряков балтийцев в декабре была переформирована в 72-ю стрелковую дивизию, которая получила крупное пополнение. Я из состава стрелкового батальона был направлен в особый разведывательный отряд при штабе этой дивизии. Отряд состоял преимущественно из моряков. В него были подобраны бойцы, отлично владеющие оружием, выносливые, сообразительные, умеющие остро следить за окружающей обстановкой. Мы вели постоянную разведку переднего края обороны противника, охотились за "языками", добывали живых фрицев. В середине января сорок второго на нашем участке фронта установилась подозрительная тишина, по ночам умол-

кла пулеметно-автоматная стрельба, немцы прекратили использовать осветительные ракеты, нами было обнаружено ночное передвижение немецких войск. У командования дивизии возникло тревожное опасение возможной передислокации сил противника. Вскоре командир разведотряда вызвал к себе старшину команды В ЗАХАРОВА и поручил ему в срочном порядке сформировать из числа добровольцев группу разведчиков в количестве 14 человек. Главный старшина Виктор ЗАХАРОВ, корабельный комендор, в совершенстве владел всеми видами оружия, смелый, энергичный и решительный в достижении поставленной цели, великолепный спортсмен, большой жизнелюб и весельчак.

Под его руководством в короткое время была создана группа разведчиков для выполнения важного задания. Нужно было добыть и доставить в штаб живого немца. Получив такое задание, мы приступили к подготовке этой операции. В течение двух суток мы вели рекогносцировку местности. Тщательно изучили нужные участки переднего края немецкой обороны. Количество огневых точек, расположение землянок и блиндажей, траншейную систему соединений, распорядок дня и время смены часовых. Определили объект нападения — решили взять часового пулеметной точки, которая находилась вблизи землянки возле кустарника. Обозначили маршрут движения, изучили рельеф местности, попутные укрытия, проделали проходы в проволоч-

ных заграждениях, строго отметили минные поля и места перехода через противотанковый ров. Тщательно проверили автоматы, по два диска наполнили патронами, подготовили гранаты и холодное оружие. Каждому была вручена аптечка первой помощи и принадлежности для захвата пленного. Поклялись перед лицом своих товарищей всеми возможными средствами спасти раненых и не оставлять тех, кто может пасть на поле боя. Когда все было готово и учтено, стали ждать ненастной погоды. И вот она нам улыбнулась. Неожиданно разбушевалась невероятная пурга, задул сильный морозный северо-восточный ветер, установилась нулевая видимость. Старшина спокойным голосом произнес: "Погода наша, пора действовать". Команда условно разделилась на две группы: шесть человек, менее измученных блокадным голодом, пожелали войти в группу захвата, восемь — в группу боевого прикрытия и наблюдения за обстановкой на случай схватки с противником. В два часа ночи надежно проверили экипировку и укладку принадлежностей, натянули маскировочные халаты, взяли оружие и попластунски отправились в опасный путь. Благополучно приблизившись к немецкой траншее, изготовили оружие к немедленному действию, а шестеро вторглись в окоп, стремительно направились с тыльной стороны к дремавшему занесенному пургой пулеметчику, внезапно нанесли ему удар, вставили кляч, прочно опоясали шнуром и мгновенно бросились в об-

ратный путь. Группа прикрытия несколько задержалась возле траншеи. Когда добычу утащили примерно на 250 метров, раздался огромный взрыв, с ярким пламенем, взрыв. Это наш отчаянный моряк из группы прикрытия, ХУДЯКОВ, в порыве гнева бросил связку противотанковых гранат, полагая, что в траншее находились спящие немцы, но как оказалось позднее, это был склад боеприпасов, который взорвался. Мы начали успешно уходить. Немцы всполошились, сыграли боевую тревогу. Открыли беспорядочную стрельбу, в небо посыпались осветительные ракеты. Фашисты пустили в ход артиллерию и минометы, начали преследование, но прицельно обнаружить нас им не удалось. Наши смельчаки оказались в квадрате сплошного пулеметно-минометного огня. На помощь пришла дежурная группа поддержки, которая следила за ходом операции и своевременно открыла ответный артиллерийско-минометный огонь. Фашисты дрогнули и повернули назад в свою траншею. Мы получили передышку. По пути следования к своим произошла еще одна неожиданная неприятность. При переправе через небольшую речушку, в которой от обстрелов образовались полыньи, в одну из них я и мой приятель, ползший за мной, провалились, искупались в ледяной воде; пока добрались до ближайшей землянки, обморозили ноги, пришлось испытать невероятную боль. Трое наших разведчиков получили осколочные ранения средней тяжести и были гос-

питализированы. С небольшими потерями задание было выполнено. В штаб дивизии был доставлен пленный, который, придя в себя, выдал ценные сведения о перегруппировке и пополнении резервными силами немецких войск на участке обороны нашей дивизии. За успешное выполнение этой операции всем участникам перед строем была объявлена благодарность и зачитано представление к награждению орденами. Но получить орден мне не посчастливилось, непредсказуемость на войне в одно мгновение рушила надежды. Как стало известно позднее, во время вражеского налета в штабную землянку угодила бомба, награжденные документы были утрачены. В то время знаки доблести для нас не имели особого значения, мы думали только об одном — как спасти город от фашистской чумы. Я вспомнил лишь один эпизод из своей фронтовой жизни, а впереди еще было много нелегких испытаний. В качестве минометчика, в составе 260 бригады морской пехоты, по возвращении из госпиталя после ранения, я принимал участие в окончательном разгроме фашистских войск под Ленинградом. Пятидесятилетний юбилей тех драматических событий — это светлый праздник нашего народа и прежде всего ленинградцев. Это возможность во весь голос сказать правду о героизме защитников и жителей города в блокадные дни, оглянуться каждому на себя и спросить у своей совести — так ли мы живем. Может тогда кое-кому станет стыдно за очернительство нашего прошлого, армии и одержанных ею побед, за навешивание разного рода ярлыков на оставшихся в живых ветеранов войны, за извращение славного подвига ленинградцев, уже давно признанного в мире, как символ величия человеческого духа, его мужества, стойкости и неодолимости.

И.А.ЦУРАНОВ,
член Совета ветеранов
университета, капитан I ранга
в отставке, инвалид
Отечественной войны

В бессмертие ушедшим

Рецензия написана почти сразу после выхода книги "Ленинградский университет в Великой Отечественной".

Я — питомец Ленинградского университета; закончил геофак, его аспирантуру, три года поработал профессором. Так что связи с СПбУ у меня многолетние (с 1937 года по наши дни, поскольку и ныне имею честь состоять членом Специализированного совета при геофаке). И, как легко понять, судьба университета, его история мне не безразлична.

Приближается 50-летие Великой Победы. Как мне стало известно, готовятся и публикации. Однако, судя по темпам их подготовки, к 1995 году создать что-то капитальное уже не удастся (поверьте на слово старому автору многочисленных изданий). И, по-моему, есть лишь один реальный выход: подготовить в самом срочном порядке второе (дополненное, улучшенное, исправленное) издание рецензируемой книги. В новом издании необходимо дать дополнительно очерки об университетах на фронте (об этом я пишу в рецензии), уточнить список погибших (и на фронте, и в блокаде). Ваша газета уже начала доброе дело, опубликовав "пробный" список, в котором, к сожалению, есть и неточности (вполне исправимые). Одним словом, проблема стучится в окно, и с каждым днем все настойчивее.

Эти слова высечены на обелиске во дворе Санкт-Петербургского университета — в память погибших в годы войны универсантов. Воздвигнутый несколько лет назад обелиск напоминает нам, что университет не забыл своих славных сынов и дочерей. Но слова Ольги Берггольц "Никто не забыт и ничто не забыто" требуют большего — назвать всех погибших поименно. И такая попытка предпринята: в первые опубликованы списки преподавателей, аспирантов, студентов, сотрудников университета, погибших в годы Великой Отечественной войны. Их очень много, но список, конечно, еще далеко не полон...

Отдадим, однако, должное авторам мартиролога: им пришлось много потрудиться — бури блокадных лет и последующих десятилетий затрудняли поиск, хотя речь идет, казалось бы, о совсем близком далеке, о наших современниках.

Таковы результаты зигзагов новейшей истории.

А помещен список погибших универсантов в новой книге "Ленинградский университет в Великой Отечественной". Очерки. (Л.: изд. ЛГУ, 1990, 326 с. Тираж 3524 экз. Цена 2 р. 70 к.), подготовленной коллективом авторов. Формально их 11, фактически же — десятки: в ткань повествования органически вплетены многочисленные отрывки воспоминаний, документы (не анонимные, а подписанные конкретными авторами), стихи универсантов-фронтовиков, студенческий фольклор.

Девять очерков книги рисуют жизнь Ленинградского университета в годы военного лихолетья — и в Ленинграде, и в период эвакуации в Саратове. Авторы не нагнетают страстей, они скупко, поделовому рассказывают о том, как жили, трудились, учились, вели научные исследования, голодали, погибали питомцы и работники ЛГУ. Более

скупко рассказано о том, как воевали универсанты. Конечно, это — особая большая тема, и ей следовало бы посвятить специальные очерки... Отдельные факты и эпизоды из жизни универсантов-фронтовиков их не заменяют.

Чувствуется, что книга готовилась много лет, видно, какие сюжеты в какие лета готовились. Часть из них явно написана в последние годы. Это относится и к теме, которую можно было бы назвать "Испытание миром". Действительно, сплоченный коллектив ЛГУ, вынесший в годы войны все ее тяготы, показавший свое единение, в первые послевоенные годы, под воздействием "указаний свыше", не остался в стороне от проработочных кампаний и — хуже того — послевоенных репрессий. Конечно, это — особая тема, и историкам ЛГУ есть чем заняться, но хорошо, что в виде экскурсов авторы очерков не обошли ее при характеристике отдельных ученых ЛГУ. Думается, что вообще-то тема "Общественно-политическая жизнь ЛГУ после 1917 года" еще ждет своих исследователей.

Книга очерков содержит много интересных фактов не только о ЛГУ как коллективе, но и об отдельных его представителях, более или менее известных. Имена некоторых из них у нас в последние годы всегда на слуху.

Как на вспомнить замечательного писателя Ф.А.Абрамова. Его знает вся читающая Россия. И вот — маленький штрих к его биографии:

"Третьекурсник Федор Абрамов убеждал, что он должен найти профессора М.А.Соколову и сдать ей срочно экзамен по русскому языку. "Поймите, не могу же я идти добровольцем на фронт с академическими хвостами!" — говорил он.

Сдав экзамен, Ф.Абрамов ушел на фронт, храбро защищал подступы к Ленинграду, был тяжело ранен, его посчитали мертвым, и лишь

случайно он остался среди живых..." (с.75)

А вот строки студента Льва Гумилева, который

между лагерями "успел" и поведовать:

Мне памятен серый туманный денек.

Альдхамм догорал, но еще не погас.

Осколки, как пчелки, жужжат и... в песок...

И семь фокке-вульффов, как камни, на нас.

(с.282)

В наши дни важно в большом и малом восстанавливать историческую правду. И читателю очерков важно будет узнать, что выпускник истфака ЛГУ В.В.Васильковский еще в самом начале войны 6 декабря 1941 года в битве под Москвой предвосхитил подвиг А.Матросова — закрыл своей грудью амбразуру вражеского дота.

Насыщенная большим фактическим материалом книга содержит отдельные повторы, фактические ошибки и неточности, бросающиеся в глаза опечатки. Нередко ловишь себя на мысли, что каких-то имен явно не хватает, с иными — явный перебор. Тут уж сказались, конечно, симпатии авторов, их личные оценки, что довольно естественно: ведь книга очерков — не официальный документ...

Мыслящему человеку нужно знать свою историю — на государственном, республиканском, региональном уровне, на уровне своего коллектива. Все эти уровни связаны. Помнится, один из героев Л.Кассиля говорил своему другу примерно следующее: если ты не любишь места, где родился, рос, учился, то другого места уж подавно не полюбишь. Верная мысль, очень злободневная в наши нелегкие дни. Книга "Ленинградский университет в Великой Отечественной" — ее подтверждение.

Ю.Д.ДМИТРЕВСКИЙ
инвалид Отечественной войны, заслуженный
деятель науки Российской Федерации, профессор

В блокадную мглу

В отрывном календаре записи: "18 час. Мое стихотворение сатирическое "Письмишко в Германию" передавалось по радио". Автору было 14 лет. Он учился в школе и работал в комсомольском бытовом отряде. На деньги, полученные на лесозаготовках, покупал книги. Занимался в поэтической студии, и через год уже сам выступал на радио.

Где же силы он брал, мальчишка? Это же все — в блокаду. На том чудом уцелевшем календарном листочке дата — 25 декабря 1943 года. Он потеряет в осажденном городе очень близких людей — брата и сестру. Горечь потерь навсегда останется с ним. "Убить в себе блокадную тоску порой трудней, чем пристрелить к виску..." И такое напишет: "И тридцать лет, и сорок лет пройдет, а нам от той зимы не отогреться. Нас от нее ничто не оторвет. Мы с нею слиты памятью и сердцем".

Но все это Юрий Воронов напишет много позже. А в 45 году (он сам об этом рассказывал) "я печататься и читать по радио кончил, считал: то, что я пишу о блокаде, это все уже не интересно, Берггольц и Тихонов все сказали, а к другим темам еще не был готов". Он поступил в университет на филфак, на отделение журналистики. Были лекции по истории печати и первые репортажи и публикации в газете. И была комсомольская стройка — студенческая ГЭС в Ефимовском районе. Тяжелые тачки, рубка кряжей и стяковка бревен "в лапу". Настоящее мужское дело. Звание лучшему — "Молоток"... И появился Михалевская ГЭС.

А на фотоснимке осталась бригада передовиков с вымпелом. Все смеющиеся, счастливые, резко не похожие на сегодняшних акселе-

ратов — худощие, едва не светятся. Неужто это они смогли дать электроток глубинке?

На строительстве Пожарищенской ГЭС Юра был уже командиром. Обязательный, предельно честный, добрый — настоящий вояка. Он и стал им — секретарем обкома комсомола. А затем редактором "Смены". А потом и "Комсомолки". Ответственным секретарем "Правды", зарубежным ее корреспондентом. Был редактором журнала "Знамя", "Литературной газеты". И давно вернулся в поэзию.

Книга стихов "Блокада" выдержала множество изданий, получила госпремию РСФСР имени М. Горького. Вышли и другие книги — "Сила жизни", "Память", "Улица Росси", "Долгое эхо", "Весы", переводные книги на итальянском, немецком.

Война стала сутью памяти, мерой совести человеческой и отразилась в стихах не зеркально, а в призмах пережитого, в диалектике времени. Та самая страшная первая зима 900-дневной осады города обрела черты биографии поколения: "Чуть что — она вздымается опять во всей своей жестокости нетленной. "Будь проклята!" — мне хочется кричать. Но я шепчу ей: "Будь благословенна!"

Нельзя не повторить ставших

хрестоматийными строк, но которые никогда не будут затасканными из-за своей суровой и нехитрой правды: "В блокадных днях мы так и не узнали: меж юностью и детством где черта?... Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом — паспорта". Это автобиография. Юра Воронов в сорок третьем получил медаль "За оборону Ленинграда". Но сколько же земляков наших определяют этими стихами годы своей биографии и для скольких других они — лучшая характеристика детей блокады. Сегодня эти строки — в экспозициях школьных музеев, в книгах и альбомах о Великой Отечественной. И в нашей памяти.

А его поэтическое заклинание — "О камни, будьте стойкими, как люди!" — высечено на граните мемориала на площади Победы и тоже уже принадлежит не автору, а нам всем.

Несколько лет назад совпали два юбилея — 45-летие снятия блокады (а через год будет уже 50-летие) и 60-летие блокадного поэта. Юрий Петрович переживал творческий взлет. Его стихи звучали на торжественном вечере в "Октябрьском", на подмостках Театра имени Ленинского Комсомола, где был поставлен спектакль — поэтическая хроника, в основу которого легли блокадные строки

Воронова. Его слово звучало в документальном фильме режиссера-блокадника Е.Ю. Учителя "Мы из блокады". И готовилась телевизионная передача. Юрий Петрович был красивым обаятельным человеком, истинно телевизионным. Поэзия Воронова ценна тем, что сочетает первые живые и яркие впечатления блокадного подростка, черты непосредственного поэтического документа с позднейшим зрелым осмыслением, знанием, опытом и богатством личности крупного журналиста-публициста. Такому человеку сравнительно легко просто выступить, прочесть стихи. Но не так-то легко его разговорить по-настоящему, достигнуть того "момента истины", когда сокровенное, наблевшее, отложившееся вдруг оказалось открытым, доступным, видимым. И это получилось. Здесь сыграло роль многое. И точный подбор включенных в передачу стихотворений, и преодоление немалого сопротивления поэта отбору строк из личной его переписки с коллегами, друзьями, читателями и почитателями. Этому способствовал и напряженно-эмоциональный, и в то же время чрезвычайно тактичный монтаж и съемка режиссера Р. Федотова, и спокойно-взволнованный диалог, который вела с Юрием Вороновым журналистка,

не захотевшая скрыть того, что не только для широкого экрана, для зрителя, но и лично для нее, репортера, горожанки, встреча с поэтом — событие, выходящее из ряда привычных встреч, интервью... И вся эта передача задумана была как серия встреч и воспоминаний. Встреча человека зрелого, много поездившего по свету, много повидавшего, встреча с юностью, с тяжелыми и прекрасными, горькими и сладостными воспоминаниями. Город помнил его мальчишкой, Ленинград и Ленинградцы сыграли главную роль в судьбе поэта, город и люди, с которыми, по сути, он никогда не расставался, все время возвращался сюда в стихах, наяву, в журналистике.

Настоящим большим чувством, необыкновенным тактом исполнены кадры встреч в блокадном школьном музее, свидание с блокадной школьной учительницей Антониной Максимовной Шипковой, встречи с юными — ведь к ним, в конечном счете, к грядущему поколению обращены стихи, адресованы воспоминания, написаны книги, проделана огромная журналистская работа...

Он приехал в свой город и на нынешнее 50-летие прорыва блокады, выступал, встречался, был взволнован. И не только воспоминаниями о прошлом, но и тем, что блокада Ленинграда не стала последней, что блокады сжимают свое злое колыбельное и сегодня — в Ткварчели, в Югославии, в других горячих точках.

До следующего юбилея не дождался, до будущего года, до 50-летия полной победы под Ленинградом. Ушел в ледяную блокадную мглу.

Галина ГЕОРГЕ,
Владимир ОСИНСКИЙ

Марио Грассо (Италия)

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА»

(Предисловие к книге Ю. Воронова "Блокада", февраль 1986 года)

Будут ли еще блокады городов в истории человечества? Современные орудия уничтожения таковы, что единственно возможный ответ: нет, с блокадами покончено. Конфликтующим сторонам следует заранее отказаться от применения нового ядерного оружия. Остается надежда, что не будет больше ни конфликтующих сторон, ни осажденных, ни осаждающих, другими словами: больше не будет войн. Никогда. Иначе для чего она, память?

Со времен осады Трои до блокады Ленинграда прошли века; троянская война длилась десятилетие, блокада — около трех лет, за это время погибло шестьсот пятьдесят тысяч человек. Греки осаждали троянцев, мстя за честь Мелелая; немцы, наступавшие на Ленинград с юга под командованием маршала В. фон Лееба, и финны — с севера, были одержимы преступной манией гитлеровского нацизма. Но Гитлеру не суждено было дать торжественный обед в Ленинграде — ни один завоеватель не вступил в благородный осажденный город. Если бы Гомер воскрес, он призвал бы свою Музу воспеть великие ленинградцев.

Ленинград жил с упорным терпением, погребая под водой своих мертвецов, деля на равные части скудную пищу между соотечественниками и военнопленными. "Сбежишь — и тогда самосуд, а здесь — под солдатской защитой... Им хлеб, как и нам, выдают, по Ладоге в город пробитый..."

В дни блокады Юрий Воронов был ребенком, но "герой не тот, кто шествует на плаху с улыбкой беззаботной на губах. Не тот, кто никогда не знает страха, а тот, кто первым побеждает страх".

"Юрий Воронов пленяет простотой языка, остротой и глубиной повествования", — таково единодушное мнение переводчиц Марилеи Марино, Грации Мартинес и Джованни Музумечи. Они привлекли внимание итальянского читателя к стихам, отобранным для этой книги, к стихам, наиболее тесно связанным с темой блокады. Юрий Воронов не решился озаглавить свою книгу "Ленинградской поэмой", сочтя такое название слишком пышным. Он стремился к точному отображению действительности, обнаруживая подлинные возможности русской лексики, не допускающей двусмысленности. Итальянский читатель сразу же вспомнит наше золотое течение в поэзии (Ребора, Саба, Пенна), оставившее неизгладимый след в литературе двадцатого столетия, и

оценит легкость языка Юрия Воронова, сдержанность и строгий отбор прилагательных, характерный для определенного периода русской литературы.

Мы не знаем других книг Ю. Воронова, но в данном случае следует признать, что тон его ленинградских стихов как нельзя более соответствует их трагическому содержанию: поэт рассказывает о своих впечатлениях, оставляя место для хора, этот хор — сам город; во всей книге, которую нам хочется назвать "Ленинградской поэмой", нет ни слов ненависти, ни выпадов против военной машины вообще.

Поэзию Юрия Воронова отличает гражданская непредвзятость, вера в силу добрых человеческих чувств, в то, что зрелище страдания, горя не может не потрясти человека: "Сверху видно, как сброшенный им же фугас превращает дома ленинградские в груды. Только жаль, что пилоту не видно оттуда наших лиц, наших сомкнутых губ, наших глаз. Он бы столько увидел!"

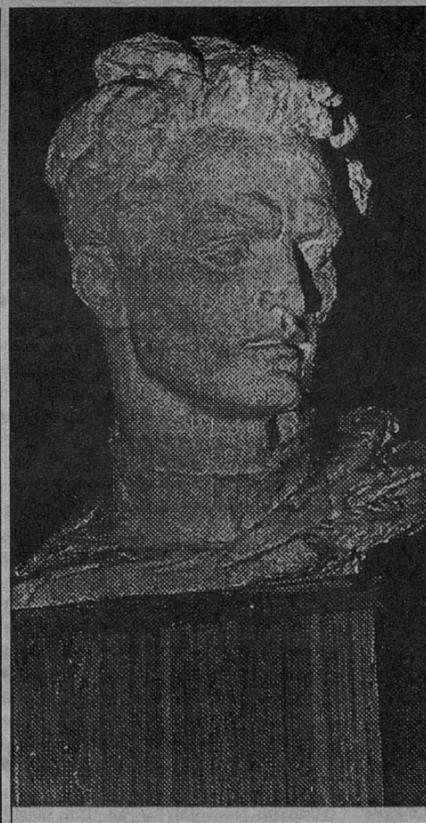
Поэт даже способен представить, что пилот не обросил бы бомбы, если бы смог увидеть на мгновение лица осажденных.

Ветер и деревья хранят воспоминания. Ветер на миг доносит крик того, кто первым достиг высоты, откуда стреляли батареи осаждающих; стоят подросшие деревья, спасенные от топора, хотя во время блокады в Ленинграде в мороз жгли книги и мебель: "Они зимой сжигали все, что было: шкафы и двери, стулья и столы. Но их рука деревьев не рубила. Сады не знали голоса пилы".

Блокада становится Ленинградской поэмой, звучит хор людей, героев, наделенных простыми человеческими чувствами; они преодолели страх и могут внушать уверенность другим: "... спасибо Ленинграду, что он людьми такими наделен". Скрипач потерял обе руки, он не может больше играть, но все равно будет приносить пользу, преподавая детям; раненый старается не спать, зная, что во сне закричит от боли и разбудит всю палату; ленинградец высмеивает пропаганду немецких листовок: "Им не понять, что люди здесь, в колыбе, солдат и комиссар — в одном лице".

Хор. История блокады — поэма деревьев, могил, развалин и ветра; скрип саней по обледенелой тропе, везущих под белой простыней брата и сестру поэта.

Будут ли еще блокады? Кто знает?

Я вновь спрашиваю себя об этом, потому что из окна своего кабинета в Катании вижу стоящий на якоре авианосец и сверхзвуковые самолеты, по три взмывающие со взлетной полосы. Я наблюдаю за ними, ошеломленный видом их маневров между Этной и морем. Затем глаза мои возвращаются к авианосцу: как он огромен, как малы лимоны и апельсины, падающие на склоны Этны, которые стараниями моего народа сделались плодородными — это клочки земли, ежегодно вырываемые человеком из когтей вулканической лавы. Я думаю, сколько тысяч тонн лимонов и апельсинов можно было бы погрузить на этот чудовищный корабль в порту Катании и еще ароматными отправить на рынки далеких стран.

Память о герое

В первый день контрнаступления советских войск в великой битве под Москвой, 6 декабря 1941 года, питомец нашего университета, сержант 185-й стрелковой дивизии Вячеслав Викторович Васильковский сердцем своим закрыл амбразуру вражеского дота у деревни Рябинки, что находится недалеко от Клина. Тем самым он спас жизнь многих бойцов и обеспечил успешное наступление дивизии.

26 лет было выпускнику исторического факультета, когда он совершил свой подвиг.

"Именно беззаветная любовь к Отечеству, боль за страдания своего народа, чувство ответственности за грядущие его судьбы, высокое чувство гражданственности побудило Славу Васильковского в самое трудное время Великой Отечественной войны, когда враг рвался к Москве, совершить этот бессмертный подвиг", — так сказал о нем его учитель, заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Мавродин.

В Комнате боевой славы имени В.В. Васильковского на историческом факультете на мраморе высечены имена студентов, аспирантов и преподавателей факультета, погибших на фронтах Великой Отечественной. Среди них — имя Васильковского. В центре — бюст Вячеслава работы наших земляков С. Терентьевой и Б. Чебунина. Доброй традицией стало проводить на истфаке встречи студентов с вдовой героя, кандидатом искусствоведения Валерией Александровной Фалеевой, с ветеранами, с доцентом Евдокимой Марковной Косачевой, написавшей вместе с В.А. Фалеевой книгу "Грудью на огонь", в которой подробно рассказывается о короткой, но славной жизни Славы Васильковского.

Ежегодно в канун Дня Победы на истфаке проводится традиционный легкоатлетический кросс, посвященный памяти героя.

Ожидаем его и в этом учебном году.

Татьяна СТЕПАНОВА,
преподаватель математико-механического факультета
Фото Сергея Грачева

ЗАЩИТА ЕДИНСТВА, ЧЕСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Как историк Н.Ульянов стал последним учеником академика С.Ф.Платонова, аспирантом которого он был. В 1936 году Н.Ульянов был арестован по обвинению в "контрреволюционной пропаганде" (за статью о состоянии советской историографии).

Освобожден он был перед самой войной. В сентябре 1941 года, находясь на окопных работах западнее Москвы, Н.Ульянов попал в плен к немцам. Совершив побег из Дорогобужского лагеря для военнопленных, пройдя по тылам немцев до окраин Ленинграда, в Петергофе он находит свою жену. Осенью 1943 года Ульяновых угоняют на принудительные работы в Баварию. В конце войны Николай Иванович с супругой, спасаясь от репатриации в СССР, перебирается в Марокко. Зная, что их ждет в случае отправки в "сталинский рай", они хранили ампулы с ядом. В Касабланке Н.И.Ульянов работает сварщиком на заводе "Шварц-Омон", название которого дало ему первый шуточный псевдоним.

Живя в Марокко, Н.И.Ульянов возвращается к научному и литературному труду.

При этом нельзя забывать — жизнь Н.Ульянова сложилась крайне неблагоприятно. Годы, проведенные им вдали от архивов, библиотек и других культурных учреждений, не позволили ему стать ученым-историком в классическом понимании. И поэтому, хотя исторические работы были написаны со всей серьезностью и научной добросовестностью, Ульянов вынужден был раскрыться не только как историк, но и как писатель, публицист.

Как писатель Н.И.Ульянов известен своими романами "Атосса" и "Сириус", считающимися лучшими произведениями эмигрантской исторической беллетристики. В первом рассказывается о походе персидского царя Дария на скифов, которых Н.Ульянов считал предками русских. В "Атоссе" автором проводились многие исторические параллели с событиями Второй мировой войны. "Сириус" посвящен жизни России в период 1914—1917 годов. Уничтожающе жесткую характеристику дает Н.И.Ульянов всему тогдашнему обществу: слабому государю, членам императорской династии, отличавшимся либеральными взглядами. Но больше всего достается праздной болтающей либеральной оппозиции. "Паралитики власти боролись с эпиплетиками революции", — мрачно шутит Н.Ульянов. Причем, такая оценка дается автором исключительно на исторических

Среди культурной элиты русской эмиграции выделяется фигура Николая Ивановича Ульянова (1904-1985), известного историка, философа, публициста и писателя. Вместе с тем, и сам Н.И.Ульянов, и его труды были совершенно неизвестны в нашей стране. Представитель второй волны эмиграции, он не вмещается в "прокрустово ложе" современных представлений о философско-политических течениях русской общественной мысли.

фактах. В этом романе талант Ульянова как рассказчика достигает своего апогея.

Во всех своих научных работах Н.И.Ульянов последовательно и неизменно проводит мысль — Россия государство не только восточных славян, но и тех племен, с которыми русские были связаны и вместе с которыми строили российское государство. "Русские — это та группа населения, чья историческая судьба связана с государственностью и с культурой" — этот афоризм Н.И.Ульянова можно поставить эпиграфом ко всему его научному творчеству.

Тему историзма в подходе к личности, своими действиями изменившей направление развития страны, Н.Ульянов рассматривает в двух своих полемических статьях "Петровские реформы" и "Позорный рецидив". Эти работы могут послужить примером научной апологии Петру I. Н.И.Ульянов выступает достойным преемником великих русских историков С.Соловьева, В.Ключевского, С.Платонова в их отношении к преобразовательской деятельности Петра Великого.

Наиболее важным в трудах Н.И.Ульянова является исследование национально-сепаратистского вопроса в России. Этому и посвящена его главная историческая работа "Происхождение украинского сепаратизма" — единственная, кстати, научная монография на эту до сих пор злободневную тему. Книга может быть разделена на три основные части: сепаратистские настроения в казачестве XVII века, возрождение украинфильства в начале прошлого века и оформление идеологии самостийничества в конце XIX — начале XX века. На эту же тему Н.И.Ульянов написал и много других работ. Не менее интересной из них является эссе "Русское и великорусское", в котором автору удалось показать происхождение и развитие понятий русское, великорусское, белорусское, малорусское и украинское, а также историю политических машинаний вокруг этих названий как сепаратистов, так и И.В.Сталина. Не обходился Н.И.Ульянов своим вниманием и

другие национальные регионы России. Так, показательна в этом плане статья "История и утопия", где автор обнажает территориальные притязания Эстонской или Финляндской "империй", чьи границы якобы доходят до Тихого океана.

Особенностью публицистического таланта Н.И.Ульянова была острая полемическая направленность против врагов и хулителей России. Он не боялся давать резко критическую оценку давно сложившимся авторитетам. Например, образ философа П.Я.Чаадаева у него однозначно негативен: "Нет большего самозванства в истории русской мысли". Эта идея подробно аргументируется в его эссе "Басманный философ" (Мысли о Чаадаеве). Большой исторический кругозор, широкая эрудиция позволяют Н.И.Ульянову со страстным сарказмом относиться к давно воздвигнутому культу философа, не совсем похожему на свой прототип. Воспринимая П.Чаадаева как живого противника, Ульянов делает парадоксальный вывод: "...мстил Чаадаев русской жизни не как человек европейского просвещения, а как католик. Ни наук, ни искусства, ни политических учреждений, ни декларации прав человека и гражданина, ничего кроме католичества не существовало для него на Западе".

Очерк Н.И.Ульянова "Замолчанный Маркс" посвящен тем идеям, о которых не упоминали в советской печати, а именно об отношении К.Маркса и Ф.Энгельса к славянам и русским. Основываясь на личных письмах Маркса, статья в "Рейнской газете", Ульянов показывает, как под личиной показного интернационально-классового подхода жил немецко-протестантский национализм. Приведем для примера одну из цитат, характеризующих отношение Н.И.Ульянова к взглядам К.Маркса и Ф.Энгельса по славянскому вопросу: "Ни о ком не отзывались они с большей ненавистью и презрением. Славяне не только варвары, не только "неисторические" народы, но — величайшие носители реакции в Европе. По словам Энгельса, они — "особенные враги демократии".

Справедливости ради надо добавить, что не только классики марксизма получают у него столь нелюбимую оценку. Для Н.Ульянова идеалом был великий русский историк С.М.Соловьев, которому он противопоставляет "плеяду философов типа Бердяева, Мережковского, Степуна, Карсавина, заменивших изучение истории... ее постижением, пытавшихся проникнуть в тайны истории... интуитивно мистически". Последнее дело ученика С.Ф.Платонова было неприемлемо.

По мнению современников, для Н.И.Ульянова не было вопроса быть монархистом или республиканцем. Он хотел прочной сильной власти, которая могла бы вести Россию по державному пути. Наиболее ярко характеризует его общественно-политические взгляды сделанный им на празднике 1100-летия русской государственности в Нью-Йорке доклад "Исторический опыт России". Как отмечали слушатели этого выступления, в нем наголову разбивались накопленные в веках ложь и хула клеветников России. О духе этого доклада, буквально всколыхнувшего русскую колонию в Нью-Йорке, в какой-то степени может свидетельствовать следующий его фрагмент: "...когда кончилась Вторая мировая война, во всех театрах показывают фильм: запуганные народом улицы Лондона, Парижа, Нью-Йорка, ликующие толпы, радостные лица. Но вот Москва. Там плачут. Как после Куликовской битвы, люди со слезами встречали победу". Н.И.Ульянов необычно чутко подметил восприятие победы русскими людьми. С одной стороны, эти слезы означали радость победы, что в наибольшей мере соответствовало национальному духу, но вместе с тем и цену, которую пришлось за нее заплатить.

Весь анализ творчества Н.И.Ульянова дает представление об оригинальном взгляде на исторический процесс и развитие культуры, стоящем особняком и от догматики марксизма, и от предвзятости западной политологии. Но краугольным камнем всего творчества Н.И.Ульянова, по словам С.Зеньковского (автора некролога, опубликованного в "Новом журнале" в 1985 году в Нью-Йорке), была "...защита единства, чести и исторической целесобразности русского государства".

Публикацию подготовил
Петр БАЗАНОВ,
аспирант СПбГИ Культуры

EX LIBRIS

Великая ложь нашего времени

Публицистические труды Константина Петровича Победоносцева долгое время пребывали в забвении и у философов, и у историков. И, естественно, поэтому нас должен был обрадовать тот факт, что впервые за многие десятилетия в 1993 году московское издательство "Русская книга" под рубрикой "Мыслители России" тиражом 15 тысяч экземпляров выпустило сборник статей и писем этого видного государственного деятеля Российской империи конца XIX — начала XX веков. Однако ряд обстоятельств омрачает встречу с очередной книжной "новинкой". Составление книги, выполненное С.А.Ростуновой, на наш взгляд, осуществлено крайне неудовлетворительно. Произвольно взятые из "Московского сборника" (М., 1896) статьи никак не прокомментированы, да и сам факт их принадлежности к названному "Сборнику" можно определить только по некоторым "намёкам" вступительной статьи. Непонятна и система отбора статей, для данной книги, так же, впрочем, как и система отбора писем К.П.Победоносцева к императору Александру III,

произвольно взятые из двухтомного издания 1920-х годов (Письма к Александру III. М., 1925-1926. Т.1, 2). Издатели пытаются сформировать "свой" образ Победоносцева, так же далекий от реальности, как и образ, запечатленный в советской историографии 1920-1980-х годов.

Наиболее четко политическая заданность книги "К.П.Победоносцев. Великая ложь нашего времени" прослеживается в предпосланной сборнику вступительной статье А.П.Ланщикова "Предотвратить ли думую грядущее?" Буквально с первых страниц уважаемый автор, замечая многолетнее давление "отечественного АГИТПРОПа", почему-то начинает его историю с XIX века, подчеркивая, что тогда "существовали еще неудобные славянофилы, которые своими добросовестными научными исследованиями активно, хотя и не очень-то успешно противостояли нарождавшемуся агитационному АГИТПРОПу". Что понимается под словом "АГИТПРОП", в этой связи, совершенно непонятно.

Всячески критикуя "исторический нигилизм", А.П.Ланщикова, тем не менее, в своей статье исповедует существование только одной правды, забывая, что деление истории на "черную" и "белую" не приводит к осознанию истины. Победоносцев в его изображении представляет цельную, до конца определенную положительную фигуру. Видимо, такой подход не может быть признан верным, хотя бы потому, что Константин Петрович — личность незаурядная, многогранная и разноплановая. Осознавая, что "старый мир", мир его представлений и идеалов, постепенно умирает, Победоносцев все силы свои (и как политик, и как мыслитель) отдает на то, чтобы его "подморозить", остановив таким радикальным способом "гибель красоты". Он, как и К.Н.Леонтьев, может быть назван "реакционером-романтиком" (выражение Н.А.Бердяева), причем в данном контексте это не ярлык, а определение, отражающее восприятие консерватизма "победоносцевского толка" одним из самых проницательных его современников.

Победоносцев только диагност, на роль хирурга он не годится, более того, и не стремится эту роль играть. Его "самостоятельности" хватало только на "разрушение", "созиданием" он не занимался.

Победоносцев всю жизнь боролся с революцией, блестяще разоблачая ее пагубу, но, объективно, как государствовед, он ее же и приближал. Страх являлся главной движущей силой всех начинаний обер-прокурора, что, кстати, подтверждают и опубликованные здесь же его письма к Александру III.

Политические предвидения Константина Петровича Победоносцева отчасти оправдались уже при его жизни, но его философская система, в общем, может быть названа "взглядом назад", что изначально предопределило ее крах, а государственную идеологию, живущую на этой системе, очень скоро привело фактически в тупик.

С.Л.ФИРСОВ

Независимая газета в демократическом обществе: "Svenska Dagbladet" и "Санкт-Петербургские ведомости"

Редактор "Svenska Dagbladet"
г-н Зигфрид ЛЕЕНХОФВУД
Фото Сергея ГРАЧЕВА

Здесь два интервью из первых рук. Два главных редактора двух газет рассказывают о своей работе и о себе. Г-н Зигфрид Леенхофвуд, главный редактор "Svenska Dagbladet", во время своего визита в наш город встретился с Олегом Кузиным, главным редактором "Санкт-Петербургских ведомостей", и задал ему ряд вопросов. Г-н Леенхофвуд планировал опубликовать это интервью в своей газете. Мы имеем возможность сделать это чуть раньше, так как присутствовали при беседе — с их любезного согласия.

З.Л.: — *Господин Кузин, какие проблемы Вас как главного редактора такой крупной газеты волнуют сейчас?*

О.К.: — Приведу наглядный пример: раньше наша газета выходила 6 раз в неделю, а теперь — только 5 раз. Почему? Потому что почта отказывается нас распространять в воскресенье, а типография — не печатает в субботу. Вот главная проблема! Мы — по жизни — тесно связаны с крупными монополиями структурами, которые просто держат нас в руках.

Таких структур три. Первая — типография, мы зависим от тех расценок, которые они нам установят за свои услуги. Зависим от графика их работы, от темпа, производительности. Вторая структура — это система доставки газет. И третья — это производители бумаги. Они буквально каждый месяц поднимают цену на бумагу, последний раз это было 11 ноября. Причем мы получаем информацию о повышении цен не заблаговременно, а буквально в тот же день. Допустим, нам сообщают: с сегодняшнего дня цена на бумагу выросла на 20 процентов!...

З.Л.: — *И что Вы делаете в таких случаях?*

О.К.: — Есть два рычага: поднимать цену на рекламу и поднимать цену розничной продажи газеты. Но у нас подписка — 90 процентов тиража. Поэтому практически остается только один рычаг — повышение стоимости рекламных услуг. Чтобы нагляднее было видно, в каких условиях мы работаем, приведу только одну цифру. С 1-го января 1992 года цены на бумагу выросли в 1500 раз! Не процентов, а раз! Not per cent, but 1500 times! Сами понимаете, как трудно выпускать газету.

З.Л.: — *Сколько человек у Вас работает?*
О.К.: — Порядка 120 человек. Из них около 40 — журналисты, фотографы и руководители подразделений.

З.Л.: — *Кому газета принадлежит? Кто ею владеет?*

О.К.: — Владелец газеты — трудовой коллектив редакции.

З.Л.: — *И как распределяются права?*

О.К.: — Что касается общих управленческих проблем, то каждый имеет равные права: "один человек — один голос". А в экономических проблемах мы ввели распределение акций. Каждый владеет разным числом акций — в зависимости от служебного положения в газете и времени работы в редакции.

З.Л.: — *Как давно Вы работаете в газете?*

О.К.: — В этой газете — с первого дня. Я ее и создавал, два года назад. А до этого был главным редактором "Ленинградской правды". И замечу, абсолютное большинство сотрудников "Ленправды" ушло в редакцию "Санкт-Петербургских ведомостей". Если сравнивать, то 5 лет назад у "Ленправды" тираж был 600 тысяч экземпляров, сегодня у нас — 300 тысяч. За это время тираж, допустим, "Правды" упал с 10 млн. до 450 тысяч, а тираж "Известий" — с 8 млн. до 700 тысяч. То есть мы потеряли тираж в два раза, а они — в 10-15 раз...

Если же сравнивать газету саму с собой, то мы потеряли всего 10-15 процентов: максимальный тираж "Санкт-Петербургских

ведомостей" был 350 тысяч — в первом полугодии 1992 года.

З.Л.: — *А почему Вы выиграли в соревновании с теми газетами?*

О.К.: — Я думаю, просто наша газета лучше... И не потому, что у нас работают более талантливые журналисты. В Москве — высококлассные специалисты в редакциях. На нас сыграли несколько принципиально важных факторов.

Во-первых, у нас газета — действительно независимая. Мы не поддерживаем ни одну из политических партий, ни одно политическое движение. Москвичам труднее: их постоянно склоняют в ту или иную сторону. Мы же можем дать слово на страницах газеты и сторонникам Президента, и представителям оппозирующей стороны. И это нравится нашим читателям.

Во-вторых, экономическая ситуация в нашей стране привела к тому, что многие семьи должны были выбрать одну-единственную ежедневную газету, на которую они подписываются. И тут наша газета выиграла. Потому что мы сообщаем то же самое количество новостей в стране и за рубежом, что и центральные. И плюс — важная информация о том, что происходит в городе.

З.Л.: — *Где легче работать — с точки зрения: "что можно и что нельзя" — если сравнивать Вашу работу в "Ленинградской правде" и в "Санкт-Петербургских ведомостях"?*

О.К.: — Если смотреть с экономической точки зрения и с позиции ответственности за принятие решений, то легче было работать в партийной газете. Многие тогда решалось помимо нас и за нас. У меня тогда не болела голова по поводу бумаги или распространения газеты. Но с другой стороны... Вот здесь, на этом столе, стояли два телефона, красный и желтый, которые невидимой нитью связывали газету со Смольным. И порой мне звонили и говорили, что печатать, а что не печатать. Красный связывал с первым секретарем обкома партии, а желтый — с секретарем, ведающим идеологией.

З.Л.: — *Раз Вы были главным редактором партийной газеты, то были и членом КПСС, верно ведь? Извините за нескромный вопрос: как изменилось Ваше внутреннее восприятие с того времени?*

О.К.: — Я пришел в газету в 1990 году, тогда мне было 37 лет. И я уже тогда придерживался взглядов, которые резко отличались от взглядов партийного руководства.

З.Л.: — *Что, были конфликты?*

О.К.: — В общем, да. Я занимал довольно высокий пост в партийной иерархии Ленинграда, но занимал его всего два месяца. А потом расхождение во взглядах было настолько сильным, что я ушел в газету.

З.Л.: — *Это было наказанием?*

О.К.: — Не сказал бы так. Я тогда уже был членом Союза журналистов. К тому времени у меня вышла книга, а не просто отдельные статьи. Книга называлась "Неформалы: кто они?" и была посвящена новым, неформальным движениям в СССР. Тогда это была первая монография на такую тему. Два года мы изучали новые общественные движения, новые идеологические формирования в стране и хотели показать революционность тогдашней ситуации через описание неформалов.

З.Л.: — *Скажите, пожалуйста, а сейчас у Вас есть политические пристрастия?*

О.К.: — Я уже говорил, что наша газета — независимая, не отдает предпочтения ни одной из политических партий. На первых трех страницах номера идут одни факты, без комментариев — важнейшие события в стране, в городе и за рубежом. Затем — экономическая полоса, где дается анализ нынешней ситуации, прогнозы. Полоса, посвященная социальной сфере. Еще одна — о культурной жизни. И в конце номера —

программа телевидения и другие справочные материалы.

З.Л.: — *Сами Вы пишете в своей газете?*

О.К.: — Очень редко. Последним моим материалом было интервью с министром безопасности России. По роду службы я встречаюсь с интересными людьми, и тогда во мне просыпается журналист: не могу отказать себе в удовольствии написать об этом.

З.Л.: — *О да, мне это чувство знакомо... Но скажите, пожалуйста, г-н Кузин, в ситуации инфляции нет ли для Вас опасности, что кто-то подавит Вашу независимость? Власть или деньги...*

О.К.: — Риск есть. Более того, испытания экономикой не выдержали некоторые газеты. "Правда" заключила договор с греками, "Известия" — с США. Конечно, я не знаю точно, но вряд ли иностранные компании стали бы помогать, не получив никаких гарантий. Видимо, был продан какой-то процент акций газеты...

З.Л.: — *Это предупреждение для Вас?*

О.К.: — Нет. Вообще я либерал. И при сохранении имиджа газеты мы можем рассмотреть предложения иностранных фирм. Интерес проявляет Франция, Германия. С концерном "Санама" из Финляндии у нас давняя дружба. Настолько дружим, что они регулярно присылают нам свои финансовые отчеты. И иногда мы печатаем нашу газету в Финляндии, в цвете.

З.Л.: — *С развитием телевидения, факсов, электронной почты — Вы не боитесь, что газеты скоро станут не нужны?*

О.К.: — На мой век этой газеты хватит. У нас электроника развивается не так быстро, как у вас. И к тому же наш город — северный, консервативный. Я думаю, что любовь к газете сохранится надолго.

После встречи в кабинете главного редактора "Санкт-Петербургских ведомостей" мы побеседовали с г-ном Зигфридом Леенхофвудом. Он теперь уже не спрашивал, а отвечал на вопросы.

— Если Вы не возражаете, г-н Леенхофвуд, ответьте, пожалуйста, на те же вопросы, которые Вы задавали Олегу Кузину. Итак, Ваша газета — независимая?

— Хотя мы не зависим ни от кого, но мы разделяем взгляды одной партии, консервативной. Эта партия сейчас в Швеции — правящая, премьер-министр, например, член этой партии. Поэтому можно сказать, что моя газета — независимо-консервативная.

Это не накладывает на газету каких-то ограничений. Мы критикуем правительство, определенные его действия, довольно часто критикуем. В том числе и в редакционных статьях.

— А можете Вы опубликовать не просто критику действий правительства, а, скажем, выступление лидера оппозиционной партии?

— Если кто-то из другой партии обратился к нам с подобной просьбой, письменно — то почему бы и нет? Можем...

— Кто владеет газетой?

— Газетой владеет специально созданный Фонд. Фонд существует на частные пожертвования и взносы компаний. Еще в 60-е годы пригласили бизнесменов вкладывать деньги в газету. И сейчас мы, в основном, не зарабатываем деньги, а тратим их.

— "Svenska Dagbladet" — крупная газета?

— Это национальная ежедневная газета. Мы выходим 7 раз в неделю тиражом 210 тысяч экземпляров. Это в Швеции, и плюс 5 тысяч — для шведов за рубежом. У нас есть корреспондентские пункты в крупных городах Швеции и в больших столицах мира: в Вашингтоне, Москве, Лондоне, Париже, Бонне, Вене, Иерусалиме, Токио. Еще есть сеть нештатных корреспондентов: в Норвегии, Финляндии, Дании, Италии, Индии. Нет никого в Китае, в Латинской Америке.

Информацию из многих стран мира мы получаем через агентства новостей, сотрудничаем в "Нью-Йорк Таймс", с газетой "Ассошиэтед Пресс".

— И сколько же у Вас сотрудников?

— Журналистов — 205 (включая фотожурналистов, их около 15). И еще примерно 200 технических работников. У нас новая типография, устроенная по последнему слову техники. Она роботизирована, там практически обходятся без людей. Точнее, типографий целых три. Одна в Стокгольме, в десяти километрах от редакционного офиса. Другая — южнее, в Гетеборге, третья — в городе Умеа, на севере Швеции.

— Кроме "Svenska Dagbladet", а есть еще в Швеции такая же крупная газета?

— Крупнейшая газета в стране "Dagens Nyheter". У нее тираж в два раза больше, чем у нашей "SvD". Наша газета не пользуется, к сожалению, такой же популярностью у рекламодателей. Поэтому мы получаем ежегодную дотацию от правительства — 50 млн. крон. Это около 6 млн. долларов США. Как я уже говорил, газета наша убыточна. Раньше 70 процентов дохода приносила реклама, а сейчас — только 50. Это связано с общим спадом в стране. Раньше мы печатали много объявлений частных лиц с предложениями работы. А сейчас безработица у нас растет, людей увольняют, предприятия не заинтересованы брать новых сотрудников. Поэтому таких объявлений теперь почти не дают... А крупные рекламодатели предпочитают давать рекламу на телевидение и радио, а не в газету.

— Кто Ваши читатели? На кого рассчитана газета?

— Наши читатели — высокообразованные, с достаточно высоким доходом. Мы много пишем о бизнесе и о политике. И гораздо меньше о спорте. Можно сказать еще, что наша газета — семейная, есть в ней специальная страница о семье. Совсем ничего нет о сексе, о скандалах, об убийствах и прочих сенсациях такого рода. Мы избегаем подобных тем. Те, кого интересует такая информация, читают вечерние газеты. Наша газета слишком серьезна. Это газета высокого качества.

— Г-н Леенхофвуд, Вы сами пишете в своей газете?

— Пишу, конечно. Но больше не на второй странице, которая у нас считается редакционной, а на других полосах. Анализ проблем из области политики или экономики, комментарий к событиям.

— Если можно, несколько слов о себе. Вы давно работаете в газете?

— В журналистике я с 1963 года. Родился в 1939 году, получил экономическое образование в университете. Два года работал на телевидении, потом закончил аспирантуру в Колумбийском университете в США. В 1972 году пришел в "Svenska Dagbladet", около пяти лет работал репортером, писал на экономические темы. Знаю я и деятельность вечерней газеты, довольно долго работал в одной из вечерних газет, но делал там только редакционную страницу. Писал обзоры и статьи на политические и экономические темы. Потом три года был главным редактором крупнейшей провинциальной газеты. А в 1987 году вернулся в "Svenska Dagbladet". Работал комментатором, обозревателем...

Наблюдал и беседовал
Евгений ГОЛУБЕВ

ТРАДИЦИИ

РУССКИЙ ДОМ

"Наш первый университет" родом, как известно, был из глухой архангельской деревушки и фамилию имел вполне для тех мест соответствующую Ломоносов — в честь Афанасия Ломоносова, наверное. 18 января, в день этого святого, отвечающего за наступление мороза, празднуют северные начало настоящей зимы. Только тогда в топких лесистых местах образуются сухопутные дороги. Эту такую вот глухомань, в Кенозерье, забралась экспедиция университетских

нами торговля всюду идет. Сюда из Кенозерья добирались поволоком, перетаскивая лодки из одной речки в другую. А в самом Кенозерье деревушки всего по 8—12 дворов. Даже пословица такая есть: "В деревне мира не соберешь". А чего тесниться? Места много — это не садоводство в Ленобласти.

Располагаются деревни кустами, на расстоянии несколько сот метров. Объединяет их погост. Сейчас уже трудно определить значение этого слова. Это и пер-

этнографов. (О ней мы уже рассказывали немного в № 17 "СПбУ".)

Русская культура создавалась, как правило, в лесной глуши. Само слово "деревня" произошло от древнерусского "драти" — т.е. расчищать лес. Хороши северные леса для охоты, реки да озера для рыбалки, только вот для земледелия условия неподходящие. Чаще всего попадают деревни у воды: пониже, потеплее, поближе к уху. Так, на берегу Кенозера примостились Спицино и Вершинино. Названия вперемешку русские и финские. Попадают и Тамбич-Лахта, Перши-Лахта (лахта — фински — залив). Есть и такие, как Глушево (жил-был ссыльный поляк Глушевский), Зехноно (жил-был некий Зех, Захарий).

Из Кенозера течет речка Кота в сторону Северной Двины. Тут уже деревни большие: с северными и южными

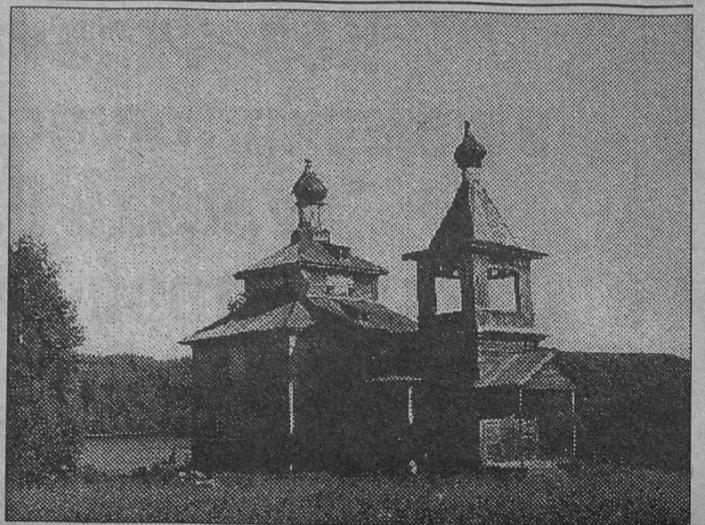

Дерево тоже экономить не приходится. Часто на одну семью строят по две избы. Зимняя, поменьше, к земле прижимается: от ветра прячется. Ее и протопить проще, дров меньше надо. Летняя — просторная, удобная, но не очень теплая. Соединяются избы сенями — их и хорошо в жару летом в прохладных сенях вздремнуть!

Отдельно ставятся только амбар и баня. Почему? Самая большая беда русской деревни — пожары. В амбаре самое ценное хранится (дочерям приданое, например), его подальше от печки держать нужно. Ну, а баня, где без печки не обойтись, удваивает опасность пожара.

Вообще, печка считается местом святым. Огонь — стихия чистая, доброжелательная. Он согревает, кормит человека, а если уж наказывает — значит, за дело. Пожар случается потому, что хозяева дома нарушили какой-то запрет. В деревне Спицино, рассказывали, дом сгорел: его хозяева отправились на поминки после полудня, чего никому делать не разрешается.

Рубится изба из бревен и досками не обшивается. Глаза дома, окна, украшаются резными расписными наличниками. Этот орнамент имеет апотропейный смысл; он как бы охраняет дом и

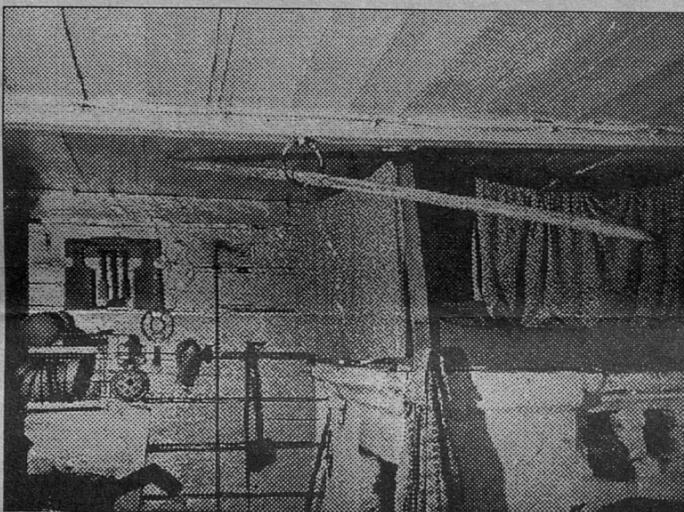

поперек входу, а на полу — вдоль. Продольные доски — чтобы проще было сор из избы выносить, а поперечные — чтобы свет и тепло солнечное в доме удерживать. (Недаром в избе и гроб с покойником обязательно поставят вдоль, к выходу: чтобы беда поскорее покидала дом.)

Вдоль горницы проходит заборка, разделяющая ее на две половины — кухонную и парадную. Заборка — это своеобразный шкаф-стена, состоящий из мно-

если нет — лучше другое поискать.

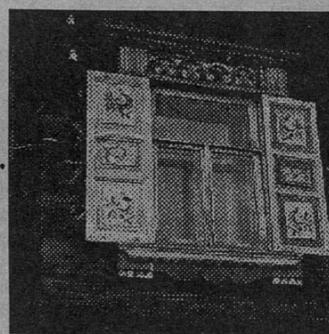
Изба состряпана, можно заселяться. Перво-наперво запускают в дом кошку, петуха или курицу. Кошка, понятно, символ домашнего очага. Петух солнышко каждое утро будит. Ну, а курица яйца несет. (Яйцо в русской культуре символизирует все неживое, порождающее жизнь. Не обходятся без него и русские праздничные обряды.) Иногда новоселы приносят в жертву животных: говорят, что дом на чью-то голову строится.

его хозяев от внешнего мира и всех нечистых духов, населяющих его.

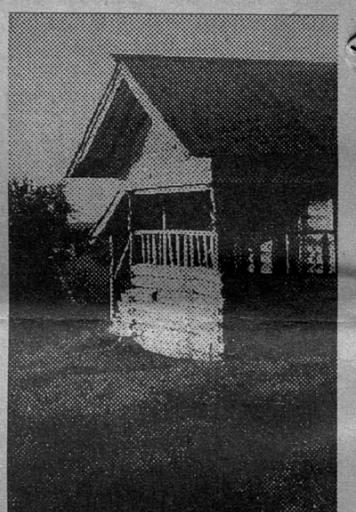
Еще дом украшает доска-полотенце, прибитая к крыше. Полотенце в русской культуре — символ путешествия, дороги, как в прямом, так и в переносном смысле. Когда венчаются жених и невеста, их ставят на полотенце. Это путь в новую жизнь, в новый мир. На доске-полотенце вырезаются три солярных знака (солнышко на восходе, в зените и на закате) или другой шестилучевой знак, символ грома.

Заглянем внутрь. Самое почитаемое место в доме — красный угол (в противоположном углу находится печка). Там обязательно ставится икона, обрамленная вышитым полотенцем. От печки до противоположной стены прибиты доски — полати. Кровати в тех местах — большая редкость. Кстати, на самой печке не очень-то разместиться (наши этнографы пребывали там спят дети. Полати снабжаются тюфяками, набитыми соломой. Пух идет только на подушки. Стирают тюфяки чуть ли не раз в год, хотя простыни почти не используются. А если семья большая, то на полате размещаются прямо на полу. Малыши, как и положено, спят в люльке. В потолке ввинчивается кольцо (очип), в которое проходит шест. Одним концом он упирается в потолок, а на другой вешается люлька, или, как она здесь называется, зыбка (от глагола "зыбать", т.е. качать). Кстати, о потолке. Когда избу строят, доски на потолке кладут

жества ячеечек (что-то наподобие камеры хранения). Дверцы украшаются расписными вазами или изображениями животных.

Когда избу строят, очень внимательно относятся к выбору места. Хорошо новый дом ставить там, где была изба, которую стороной обходили все несчастья. Также благоприятны места, где любит отдыхать рогатый скот. Плохо строить там, где кто-то поранился, или где стоял дом, сожженный молнией. (Илья-пророк метал молнии, стараясь погасить в нечистую силу, значит, в этом месте всякая нечисть гнездится.) Еще нежелательным местом для постройки считается перекресток. Существуют и специфические способы проверки места. Например, насыпают с вечера зерно, четыре кучки — по углам будущего дома. Если наутро зерно остается нетронутым — можно приступать к работе. Или под горшок кладут шерсть овечью и зерно. Если наутро все отсырело — хорошее место,

А чтобы уж наперед от всех несчастий застраховаться, под красный угол чего только не кладут! Деньги — для богатства, шерсть — для тепла, ладан — для святости. Знать бы, что положить, чтобы мир да любовь в доме сберечь...

Наверное, складывается впечатление, что все это ушедшие в далекое прошлое традиции? Ничего подобного. В тех глухих Кенозерских деревнях так живут и по сей день. И кто знает, может в этой северной мерзлоте и сохранится что-то исконно русское, что будет нам изредка напоминать, кто мы и откуда. Нам, с легкой руки чапких называемым иностранцами в своей стране. В многоэтажных корпусах — нам, цивилизованным, стремящимся угнаться за Западом, не расплескать бы в спешке бескрайний русский простор, этот покой, простоту и естественность.

Рассказы руководителя экспедиции В.С.БУЗИНА записала Марича ПОЛУБАРЬЕВА

"Не фаворитка я и не изгнанница"

...Еще она — "женщина странная", "белая птица", "нежная жрица любви", "женщина Осень". И вдруг поразительно точное — "Божья я раба, невольница!"

Все это говорит о себе в стихах профессиональная оперная певица Лариса Полякова. Ее лирико-драматическое сопрано звучало в труднейших и прекраснейших ариях Анды, Тоски, Лизы, Недды, Дездемоны, Ччо-Ччо-Сан. Изливалось в романсах Грига, Рубинштейна, Варламова, Рахманинова. По-настоящему же все это зазвучало в вокально-поэтической композиции "Блаженны милостивые..." Именно поэтической, причем стихи Лариса читает, вернее, гармонично сочетает с вокалом, под музыкальное сопровождение. И именно свои стихи, которые зазвучали в ней неожиданно и сильно шесть лет назад.

Программа эта уникальная, потому что нигде в мире нет такого, чтобы труднейшие оперные партии переплетались со стихами глубинных чувств человеческой души в одном голосовом звучании, в одной полуторачасовой программе и на одном дыхании. Неудивительно, если имя Ларисы Поляковой войдет в книгу рекордов Гиннеса в области искусства. Кстати, заявка на это уже готовится к подаче. Это меня заинтересовало, и мы с Ларисой Поляковой познакомилась.

— Почему-то сегодня в прессе больше всего акцентируется внимание на бремени страстей человеческих, а не на душе. Мне кажется, что сегодня я живу в полном согласии со своей душой.

Газеты и журналы писали в основном о том, что она делает как оперная певица; на радио ее голос хорошо известен слушателям, и телевидение — наше, французское и немецкое — снимало ее выступления; вышел сборник ее стихов "Душа не спит, а в Вере...", приуроченный к I Конгрессу соотечественников, — будем надеяться, что выйдет и второй сборник. Свою удивительную программу она показывала уже трижды — в Народном доме Паниной, в парадной гостиной ГКО "Нева-Концерт", и — в мае этого года — в Белом зале Комитета мэрии по культуре... Поэтому писать о ней — это большая честь, а быть с ней знакомым — настоящее человеческое счастье.

...В какой-то момент ловишь себя на мысли, что это женщина-призрак, женщина-наваждение, фата-моргана... Мы настолько погрязли в нынешней сумятице чувств и суетности мыслей, созвучных с апокалиптическими пророчествами, что, когда сталкиваешься с таким человеческим феноменом, как Лариса, то диву даешься — насколько же она неземная. Или напротив — очень земная. (Тогда — кто же мы?..)

— Мой первый муж говорил: "Лариса, перестань летать, опусти на землю". А один знакомый назвал меня "Эвольвентой", как будто я в этой математической спирали, раскручивающейся все время в космос, должна каждым своим витком (реально) иметь точку соприкосновения со всем, что встречается на моем пути: то есть быть сопричастной всему, что происходит вокруг меня... Порой мне кажется, что

Фото Ивана Куртова, ИТАР-ТАСС

я живу уже тысячу лет, и все люди — это мои дети, мои братья и сестры. Людям не хватает красивых душевных слов, я даже в очереди и просто на улице начинаю читать им свои стихи. Кому-то это покажется смешным, но такое мое отношение к происходящему на моих глазах всегда разряжает напряженную обстановку. Однажды иду, смотрю — семеро бьют одного. И это — в Великий пост! Я тут же к ним, сначала стала совестить, а потом прочла стихи, после чего все пошло провожать меня до дома.

Она не может смириться и с тем, что в "ленконцертном доме" на Фонтанке, где находится ее филармония, все еще продолжают дрязги и склоки, делая должности и власть, а артисты бедствуют, получая мизерную зарплату за свой труд.

— ГКО "Нева-Концерт" разделен с Камерной филармонией по инициативе последней, а теперь филармонию вновь заставляют воссоединиться, вопреки нормам Трудового законодательства. Администрация не дает спокойно работать нашим камерным артистам, ставит их в рабскую зависимость, вынуждая выпрашивать себе концерты, как милостыню. Хотя государственная дотация сегодня достаточна, чтобы все жили не бедствуя. А артисты бедствуют...

И сегодня, как никогда, нужно суметь разрядить сложившуюся напряженную обстановку. Как? Этого пока не знает сама Лариса, но знает, что — нужно.

— ...Они меня не любят и терпят только потому, что чего-то постоянно боятся. Когда я прихожу туда, то ощущение, что все прячется по своим углам и кабинетам, а уходя чувствую, что вся прощита взглядами, как пулями... Никто из земных не вправе судить мою композицию, подсказанную мне в ответ на мою мольбу к Господу. Она — дар Веры, а я ее дарю людям... И после моей премьеры в Центре культуры Петербурга — вынуждают меня выходить на худсовет Камерной филармонии — считаю беззастенчивым!

Недоумеваешь: ну зачем ей все это нужно? С ее-то талантом — профессиональным и человеческим! Да отвернулась бы, не растрчивая попусту бисера своих душевных сил. В конце концов, уехала бы за границу, где цены бы ей не было; лучшие музыканты города, которые там часто бывают, ей это и советуют сделать. И такая возможность у Ларисы есть.

— Мне так хочется быть вместе с моими родными, которые сейчас живут в Америке, — мне очень трудно без них. И в то же время мне нужно сделать все здесь, я чувствую, что здесь нужна людям. Именно Петербургу я обязана рождением себя как поэтессы; именно здесь возникла идея моей программы, и именно здесь я чувствую, что нужна людям как актриса, как человек и как женщина.

Она не привыкла жаловаться. Всю жизнь находясь в поисках себя и беспрестанной творческой неуспокоенности, Лариса всегда на трудном пути к осуществлению своих целей.

— Я понимаю сегодняшнее отношение к искусству людей, от которых зависит не само ИСКУССТВО как таковое, а то, что оно может дать в плане денег. Вот если бы, к примеру, я сейчас сфотографируюсь с известным всему миру Растроповичем — это сразу поднимет меня в глазах чиновников от искусства, и уже не будет никаких разногласий относительно того, что я делаю на сцене. А я бы могла это сделать по той простой причине, что была знакома с Мстиславом Леопольдовичем еще со времен моей учебы в Консерватории. И его, как гениального музыканта, привлекал мой дар певицы. А о том, что я пишу стихи, он не знает. Но я не сделаю этого, потому что СЕГОДНЯ мой главный поручитель — это мой голос, мои стихи и композиция "Блаженны милостивые..."

...Это правда и не правда: потому что те, кого ей приходится убеждать, видя и слыша ее, готовы и сами быть убежденными, но тот самый "подлюдный эгоизм", сидящий в них, как язва, все время напоминает сладострастной болью, что они прежде всего

начальство, а потом уже — люди.

Правда и не правда: потому что о ней уже думают у нас. В первую очередь, в Комитете мэрии по культуре, Союзе концертных деятелей, ГКО "Нева-Концерт", открыто заявивших, что "творчество Ларисы Поляковой является прецедентом в современной художественной культуре", и гордящихся, что это уникальное явление в искусстве родилось у нас в Петербурге — у нас в России.

Правда и не правда: потому что сегодня на самом высоком уровне городской власти нашлось понимание и ее таланта, и нужности того, что она призвана сделать... И еще нашлись люди, искренне ей помогающие — композитор Владислав Соловьев и режиссер Владимир Горьков; оказывает ей помощь АО ПСФ "Мегаполис" в лице его директора Александра Захарова, который не отказывается и от дальнейшего с ней сотрудничества. Лариса же убеждена, что те, кто ей помогает сегодня, не будут оставлены Богом завтра.

И все же она настойчиво продолжает растапливать льды отчуждения в сердцах уязвленных людей своей уверенностью в победе не идеологических или политических догм, а христианской морали, основывающейся на трех добродетелях — Вере, Надежде и Любви.

— Батюшка в церкви мне говорит: "Лариса, тебе так много дано, смотри, не возгордись..."

И дома у нее есть своя божница, святой угол, где она молится и молит Бога пощадить ее бедную страну, не довести до гражданской войны ("Дай хлеб, здоровья, силы — Земле моей России"). Эти мольбы у нее выливаются в стихи и порой оказываются пророческими. И как перед прошлогодним путчем, так и перед минувшим сейчас, сердце ее тревожно отстучало, как отлило в металле, строки:

Бить в колокола,
В мир кричать — Спасите! —
Битвы не ждала
Бедная Россия...

Сила ее стихов — цветаявская. Когда слышишь их в ее программе, под тревожные и величественные звуки музыки — мороз пробегает по коже. Думаешь: Господи, что же за сила такая — эта женщина! Может, вот в таком образе она и призвана спасти мир в его минуты роковые?..

А Лариса вдруг превращается в нежную мифологическую Хлою и сокровенно повеяет:

— Я хотела бы жить на природе, быть покорной; так хочется быть кроткой... Так хочется, чтобы рядом был сильный, добрый и честный мужчина, который бы умел говорить красивую правду... Ну — скажите вы мне хоть что-нибудь, а то я все говорю и говорю, а вы все молчите и молчите...

Удивленно прерывает вдруг она свои мысли вслух и одаряет меня лучезарным взглядом. Не знаю, под каким гипнозом, но с моих губ слетает: "Я люблю Вас..."

Виктор ЛАВРОВ

Марафон закончен. Приехали...

У интеллигентной публики свои счеты с Георгием Данелией. "Осенний марафон" снимался в том числе и в университетских коридорах и аудиториях. А педагог Бузыкин Олег Басилашвили — темный от усталости, следующий в своем марафоне от компромисса к компромиссу, стараниями авторов фильма поднимался до обобщенного образа "интеллигенции в эпоху стагнации".

"Мимино", "Не горюй!" — это тоже Данелия, поэтому новую ленту — "Настя" — ждали и, наконец, дождалась: лучше бы она не выходила...

Сюжет такой, что, словами гоголевского героя, "только плюнешь и перекрестишься". Девушка-дурнушка всматривается в календарь с изображением кра-

савицы. Помогает старой карге, ведьме дотащить да подъезда мешок с картошкой. И вместо "спасибо" получает спросонья, наутро, внешность этой самой красавицы. Ладно бы в награду за добродетель, за редкие драгоценные свойства души — нет, по манию режиссерской палочки. Мир фильма поделен надвое — один реальный, подземный мир метро, уносящий в черную дыру вагоны с серыми, умотанными гражданами второго сорта. Другой — полуфантастический, отгороженный от первого искрами шампанского и бравурными мелодиями — сказочный мир презентаций. Настя-красавица с душой дурнушки не желает быть новейшей Золушкой, робко просит: "Вертайте все взад" — и получает прежнее рабое лицо.

киносазку Данелия выносит на поворот из жанра. Не спасает звездное количество имен, манящих и завлекающих нас. Постаревший Евгений Леонов и помолодевший Савелий Крамаров произносят в эпизодах два-три слова. Мельком, а то и вовсе без слов, появляются в кадре Ярмолик, Абдулов и Адабашьян.

Кто-то давным-давно придумал каламбур про то, что "искусство рождается в неволе, плодится под запретом и на свободе гибнет", но кто бы мог подумать, что наступит время, когда скрепя сердце придется отнести эти слова и на счет старейшего марафонца...

Игорь ЕВСЕЕВ

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

Учредитель и издатель:

Санкт-Петербургский
Государственный
Университет

Адрес:

Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9,
Ректорский флигель

Телефон: 218-94-96

Главный редактор: Наталья Кузнецова
Выпускающий редактор: Сергей Лобачев

Отпечатано в ГПК СПб, Фонтанка, 59
Подписано в печать 07.12.1993
Заказ 82. Тираж 2000 экз.